

А.А.Гусейнов

УДК 171.0

Этика науки

Аннотация. Статья является обобщенным очерком этики науки как одной из областей прикладной этики. В ней показано, что расширение нравственного опыта, связанного с наукой как общественным институтом, и становление этики науки как особой области знания представляют собой двуединый процесс. Особое внимание уделено анализу базовых добродетелей ученого (запретам на фальсификацию и плагиат), являющихся одновременно условиями его добротности, а также этическим ограничением научной деятельности, диктуемым принципами гуманности и общественной безопасности.

Ключевые слова: этика, наука, фальсификация, плагиат, Нюрнбергский кодекс, Пагуошское движение, Р.Мертон.

1. Этика науки, или научная этика, охватывает нравственный аспект деятельности ученого и науки как общественного института. Ее содержание прежде всего определяется спецификой и общественным назначением самой научной деятельности, которая состоит в том, чтобы производить знания.

Наука как общественно организованная, упорядоченная сфера познавательной деятельности предъявляет к тем, кто занят в ней, особые требования. Наука рассматривает мир объективно, как он существует сам по себе, независимо от наших субъективных желаний и представлений; ее назначение состоит в том, чтобы наши знания о мире были истинными, то есть такими, которые становясь нашим субъективным достоянием, тем не менее по своему содержанию не зависят от нас: ни от отдельного человека, ни от человечества. От ученых, которые являются живым мотором, двигателем науки, требуется, чтобы то, что составляет назначение науки, ее основную цель и общественно ценную функцию, стало их личной, субъективной страстью и жизненной установкой. Ученый – это человек, который движим страстью, своего рода инстинктом исследователя и специально настроен на истину; подобно тому, как, например, музыканту режет ухо фальшивая нота, так ученому претят пустые, бездоказательные, непроверяемые утверждения.

Ученый отличается от других специалистов, а также от обычных людей («людей с улицы»), в том числе и от самого себя в обыденной жизни, когда он действует вне собственно научного поиска (вне ла-

боратории), прежде всего: а) осознанием безусловной ценности истины как критерия знания и б) первостепенной установкой на новую истину [5, 50]. Разумеется, признание ценности знания и стремление к его расширению являются моментами всякого, в том числе обычного, сознания и свойственны не только ученым. Но именно в их случае эти требования имеют критически важное значение, выходят на первый план и становятся организующим началом жизнедеятельности в качестве ученых. Когда историк сообщает о неизвестном факте из прошлого, он его тщательно проверяет и документирует. Но когда он же, в качестве дедушки, рассказывает внуку о своей молодости, то ему достаточно довериться собственной памяти. Когда физик использует в своих опытах достижения работающего рядом коллеги, он считает долгом сослаться на это; когда же он в кулуарах пересказывает услышанный от того же коллеги новый анекдот, то совсем не чувствует себя обязанным указывать от кого он его услышал.

Осознание безусловной ценности истины реализуется в категорическом запрете на ее фальсификацию – на отступление от истины, ее искажение, сокрытие, имитацию и т.д. под каким бы предлогом и оправданием это ни делалось. Для ученого ценность истины выше всех других ценностей. Аристотель, формулируя свое понимание высшего блага и отступая в этом вопросе от позиции своего учителя Платона, заметил, что «долг – ради спасения истины отказаться от дорогого и близкого, особенно если мы философы. Ведь хотя то и другое дорого, долг благочестия – истину чтить выше» [1,59]. Это суждение со временем получило широкое признание, став известным афоризмом: «Платон мне друг, но истина дороже». Показателен еще один пример из истории философии. Эразм Роттердамский высказал в споре с Мартином Лютером мысль, что даже если свободы воли и не существует, то ради общественного спокойствия следует придерживаться этой гипотезы. Лютер был взбешен такой позицией и ответил, что истинами такого рода нельзя манипулировать, даже если бы они могли повергнуть мир в хаос. Истина превышает всего именно для философа, ученого и в рамках его научной деятельности. Для Ахиллеса, например, в описанной Гомером ситуации Троянской войны превышает всего оказались честь и дружба. Существует много житейских, профессиональных, общественных ситуаций, когда приверженность истине вовсе не стоит на первом месте.

Ученый не только высоко ценит истину, он стремится внести свой личный вклад в ее углубление. Ориентация на новое знание закрепляется в категорическом запрете на плагиат. Плагиат считается в научной среде и в самосознании науки абсолютно недопустимым

грехом, автоматически лишаящим человека права называться ученым. Мир науки постоянно сотрясают явные и даже предъявляемые задним числом сообщения о плагиате. За последнее время одним из вопиющих стал случай ведущего генного инженера из Южной Кореи Хван Ву Сука, объявившего об успешном клонировании стволовых клеток человека, что вселяло надежду на создание лекарств против до сих пор не поддающихся лечению болезней Альцгеймера, Паркинсона и др. Научная комиссия, проверявшая это сенсационное сообщение, установила, что данные о стволовых клетках сфальсифицированы, признав одновременно достоверным другое его достижение – клонирование (впервые) собаки. Хван Ву Сук был лишен звания профессора, он покинул университет, его имя исключили из научных рейтингов, наказанием ему было тюремное заключение.

Отношение к плагиату является индикатором того, насколько человек, занимающийся наукой, соответствует канону ученого и насколько адекватной является атмосфера научного сообщества. Вопросы об авторстве, о правомерных и неправомерных заимствованиях, о культуре ссылок на предшественников и ряд других связанных с авторством аспектов являются одними из болезненных и постоянно обсуждаемых вопросов в научной среде, что свидетельствует как о сложности данной темы, так и о стремлении оградить науку от заразы плагиата. О важности запрета на плагиат свидетельствует также необычайная острота вопроса о приоритете в научной среде. Известен спор между двумя великими математиками – Ньютоном и Лейбницем – и их последователями по вопросу о том, кто из них первым открыл дифференциальное и интегральное исчисление; спор растянулся почти на три столетия, и только в наше время (к середине прошлого века) историки математики пришли к заключению, что открытие это было сделано каждым независимо друг от друга. В XVII веке существовали свои механизмы фиксации научного открытия: сообщения о полученных результатах помещали в надёжное место запечатанными в конвертах, сообщали в письмах другим учёным, шифровали в анаграммах. С появлением научной периодики и систематических научных форумов публичное объявление об открытии было упорядочено, однако, не сняло остроты проблемы и связанных с этим злоупотреблений. Более того, борьба с плагиатом вышла за внутренние рамки научного сообщества и стала злободневной общественной проблемой, о чем свидетельствует, например, Вольное сетевое сообщество «Диссернет», осуществляющее общественный контроль за качеством кандидатских и докторских диссертаций; плагиат в науке – сегодня уже индикатор не только научной добросовестности, но и человеческой честности.

Запреты на фальсификацию научных данных и на плагиат суть базовые принципы деятельности, вытекающие из природы самой науки и характеризующие доброкачественность ученого, его добротность. Следует различать понятия ученого и хорошего (подлинного, настоящего) ученого. В первом случае речь идет о научном работнике – социологическом понятии, описывающем функциональную (социально-ролевую) принадлежность индивида, того, кто профессионально занят в сфере науки, обладает соответствующей официально удостоверенной квалификацией, занимает надлежащую должность и т.д. Во втором случае понятие ученого является нормативным, имеет идеально-типическую природу, задает канон для установления того, насколько ученый в социологическом (функциональном) смысле слова соответствует своему предназначению. Добротность ученого приобретает нравственный (этический) смысл и выступает как его человеческая добродетель. В этом случае ученый – не только факт, это еще и долг. Соответствие деятельности ученого своему вытекающему из природы науки предназначению выступает как его добросовестность. Базовые запреты, очерчивающие пространство науки и ограждающие ее от враждебных, чужеродных влияний, получают этическую санкцию и выступают одновременно как нравственные обязанности: запрет на фальсификацию есть конкретизация (материализация) применительно к науке заповеди «не лги», а запрет на плагиат – «не кради».

2. Чтобы нормы совершенной деятельности в науке приобрели статус нравственного долга, а добротность ученого выступала одновременно как его добродетель, необходимо саму науку рассматривать в качестве ценности, связать ее с представлением о высшем благе.

Сама по себе наука – ценностно-нейтральная территория. Научный взгляд на мир есть намеренно беспристрастный, сугубо объективный взгляд, свободный от каких-либо исходящих от субъекта (ученого) наслоений, кроме самой этой установки понять его таким, каков он на самом деле. Беспристрастность – отличительная черта ученого. Ее выделили еще стоики в качестве характерного признака философского отношения к миру. Философ, по их мнению, тем выделяется среди прочих людей, что он свободен от страстей и его не может смутить ничего из того, что должно было бы привести в ужас нормального человека, даже в ситуации вселенского пожара, ведущего к гибели мира. Если случится нечто подобное, философ сохранит внутреннюю невозмутимость, позволяющую ему понять необходимость такого катастрофического хода событий. То, что стоики считали характерным для философа, относится к любому ученому, яв-

ляется свидетельством его профессионализма. Для Макса Вебера это является уже социологической истиной, которой он посвящает свою, ставшую классической, работу «Наука как профессия и призвание». В стенах аудитории, в которой, как известно, рассказывается о том, что происходит в стенах лаборатории, «не имеет значения никакая добродетель, кроме одной: простой интеллектуальной честности» – считает М.Вебер. Однако беспристрастность сама является «страстью» в том отношении, что она вырабатывается и культивируется как сознательная целеустремленная субъективная позиция человека, избравшего науку в качестве своего жизненного предназначения. Быть беспристрастным – очень трудное дело, требующее больших ограничений и даже жертвенности. Беспристрастность ученого означает, что его единственной страстью становится наука, ради которой он пренебрегает другими страстями и – в случае необходимости – готов пожертвовать всеми ими. Ее оправдание может заключаться (и в течение длительного времени заключалось) в том, что сама наука рассматривается общественным сознанием как высочайшая ценность, а работа в науке – миссия, служение. Фольклорный образ рассеянного ученого, выходящего на улицу в ночной пижаме и допускающего много других житейских несуразностей, является карикатурой на его всепоглощающую увлеченность наукой.

В истории европейской культуры были два образа науки, прямо связанные с человеческими представлениями о счастье. Первый образ был свойствен античности и рассматривал научно-созерцательную деятельность как высшую форму счастья. Вторым – доминировал в Новое время и видел в научно-технической деятельности основной путь к счастью.

Античные философы констатировали, что все люди стремятся к счастью, считая именно счастье тем высшим (совершенным, самодостаточным, последним в ряду целей) благом в жизни, ради которого существует все остальное, к чему они вообще стремятся. Однако само счастье они представляют по-разному. Различия в понимании его трояки: одни видят его в удовольствиях, другие – в деятельном, граждански активном отношении к жизни, третьи – в созерцательной деятельности. Пифагорейцы впервые, как считается, обозначившие эти различия, уподобляли их поведению людей на олимпийских играх: одни из них приходят туда купить что-нибудь или продать; другие – принять участие в состязаниях; третьи – для того, чтобы наблюдать за играми. Высшей формой счастья в этом ряду считалось философско-созерцательное – или теоретическое – отношение к жизни, которое было тождественно научно-беспристрастному отношению к ней, поскольку науки в ту эпоху выступали еще как части

философии. Философская научно-созерцательная деятельность считалась высшей, так как это была деятельность ума – высшей и божественной части человеческой души. Так как она, по мнению Аристотеля, «помимо себя самой не ставит никаких целей», ей в наибольшей степени свойственно «все остальное, что признают за блаженным» [1, 282-283].

С появлением современной науки в Новое время, основанной на точных наблюдениях и эксперименте, сложился ее общественный образ как силы, способной преобразовать мир, и преобразовать его таким образом, чтобы люди не в потустороннем царстве, а здесь, на земле, могли реализовать свои мечты о счастье. Наука заняла в новоевропейской цивилизации место, аналогичное тому, которое занимала религия в средние века. Ученые, как те, которые примиряли свою научную деятельность с верой в Бога, полагая, что изучая природу, они раскрывают божественный замысел; так и те, которые видели в окружающем мире последнюю объективную реальность, рассматривали науку как призванную понять, как в действительности устроен мир, и на основе этого знания переоборудовать, улучшить его во благо человека. Тем самым деятельность ученого рассматривалась в качестве миссии, реализующей миропреобразующее назначение науки. Научная деятельность рассматривалась не только как профессия, род деятельности, но и как призвание. Примеры благоговеющего отношения к науке, героического служения истине, когда за нее шли на костер, – Дж.Бруно, сожженный по приговору папской инквизиции на площади в Риме. Сегодня там стоит памятник этому мученику науки. Новое место науки в системе общественных ценностей представлено одним из ее родоначальников – Френсисом Бэконом, написавшим научно-философский трактат «Новый органон», в котором он обосновывает новый метод опытного естествознания. Он же – автор философско-художественного произведения «Новая Атлантида», в котором повествует о счастливом существовании людей в условиях технически преобразованного мира. Заметим: духовно-освободительные проекты русского космизма, как, например, воскрешение предков Н.Ф.Федорова или обживание планет К.Э. Циолковского, хотя и несли на себе следы времени и национальной ментальности, тем не менее по сути своей были выражением того же убеждения и настроения, которые двигали Ф.Бэконом и другими основоположниками философии и науки Нового времени.

Таким образом, беспристрастная, принципиально внеценностная позиция ученого в своей профессиональной деятельности прямо связана с высоким статусом науки в системе общественных ценностей.

3. В наше время, уже после Первой мировой войны, а совершенно определенно и явно со второй половины XX века, возвышенному представлению о науке как призвании пришел конец. Стало ясно, что наука не заключает в себе сакрального смысла и познавательная деятельность сама по себе не всегда является благом. К такому убеждению привели ряд принципиальных факторов, последовавших за революциями в естествознании и невиданными ранее технологическими достижениями. Во-первых, прогресс в науке обернулся созданием вооружений такой разрушительной силы, которая стала угрозой существованию человечества. Это относится прежде всего к ядерному оружию, которое явилось прямым результатом успехов в науке, создавалось при участии ведущих ученых, и уже более 70-ти лет является кошмаром для человечества. Во-вторых, всеобъемлющий научно-технический прогресс оказывает необратимо разрушительное воздействие на природную среду (загрязнение воздуха, истощение биоресурсов, опасность потепления и др.). В-третьих, новейшие научные достижения и технологии в биологии и медицине открывают возможности вмешательства в глубинные процессы человеческого организма, позволяющие неограниченно воздействовать на его природу (генетическую структуру, когнитивные способности, долголетие и т.д.), в результате чего вопрос о научно-технологических возможностях становится вопросом об этических пределах. Словом, оказалось, что наука и технологии касаются средств деятельности, которые могут применяться к различным как конструктивным, так и разрушительным целям, их нельзя рассматривать вне широкого социального контекста. Они могут обернуться и благом, и злом. В общественном сознании давно было известно и запечатлено, что ученые ради знания готовы пожертвовать многим и пойти далеко. Как, например, живший в 16-м веке полуполюгендарный доктор Фауст, они могут даже продать душу дьяволу, но свою душу. Двадцатый век показал, что ученые, широко практиковавшиеся в нацистских лабораториях и лагерях, в научном рвении могут переходить все запретные человеческие границы и губить уже чужие души. Перед обществом и людьми науки встал вопрос, который Макс Вебер сформулировал, размышляя об общественном статусе науки по итогам Первой мировой войны: «В чем же состоит смысл науки как профессии теперь, когда рассеялись все прежние иллюзии, благодаря которым наука выступала как “путь к истинному бытию”, “путь к истинному искусству”, “путь к истинной природе”, “путь к истинному Богу”, “путь к истинному счастью”?». Самый простой ответ на этот вопрос дал Толстой: она лишена смысла, потому что не дает никакого ответа на единственно важные для нас вопросы: «Что нам делать?», «Как нам

жить?». А тот факт, что она не дает ответа на данные вопросы, совершенно неоспорим» [2, 718-719]. Новые возможности и опасности, связанные с развитием науки, привели к изменению этики науки, имея в виду как этос ученого, так и место науки в обществе.

Что касается этоса науки, основное содержательное изменение состоит в следующем. Добродетельность ученого уже не ограничивается его добротностью в традиционном понимании. Для него уже мало быть хорошим специалистом, ревниво охраняющим свою деятельность от фальсификации и скрытых заимствований. От него требуется более широкий гуманистический взгляд, учитывающий доступные предвидению отрицательные последствия, сопряженные с собственными профессиональными действиями. Речь идет о том, чтобы быть на уровне нравственных требований не только в рамках собственно профессиональной деятельности, но и саму эту деятельность (и в целом, и в отдельных ее звеньях) рассматривать как персональный нравственный выбор.

М.М. Бахтин провел очень важное и глубокое различие между нравственной ответственностью и специальной ответственностью за поступок. Специальная ответственность есть ответственность за содержание поступка, за его адекватное техническое исполнение, а нравственная ответственность есть ответственность за факт бытия поступка, за то, что он вообще состоялся, был совершен данным конкретным индивидом в данных конкретных обстоятельствах. Только соединение этих двух аспектов ответственности обеспечивает целостность поступка, само же такое соединение возможно, если двигаться от нравственной ответственности как изначальной к специальной ответственности как к вторичному, приобщенному моменту. Ученый ответствен за свою научную деятельность, за все, что он как ученый делает, в обоих смыслах: и в нравственном, и в специальном. Так, ученые, создававшие атомную бомбу, хорошо сделали свою профессиональную работу, за что были разнообразно награждены, но они также ответственны за само создание атомной бомбы и ее последствия, включая трагедию Хиросимы и Нагасаки, что легло тяжелым грузом на совесть некоторых из них. Люди, создавшие ядерное оружие, включились в движение за его запрет, чему был посвящен Манифест Рассела – Эйнштейна и последовавшее за ним Пагуошское движение ученых. Они призвали: «В связи с тем, что в будущей мировой войне будет непременно использовано ядерное оружие и поскольку это оружие угрожает существованию рода человеческого, мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично заявили, что споры между государствами не могут быть разрешены в результате развязывания мировой войны. Мы требуем,

чтобы они находили мирные средства разрешения всех спорных вопросов». Этот пример показывает, как расширились границы этики науки, и – в то же время – ставит проблему: как сделать так, чтобы действия индивидов в качестве ученых и их действия в качестве граждан были не двумя разными рядами действий, а слились в одно действие ответственной личности.

4. Изменения науки в наше время привели также к тому, что ее этика, которая традиционно была по преимуществу этикой добродетелей, приобрела также институциональный характер. В этой связи, – в дополнение к упоминавшимся выше изменениям, которые лишили науку ее привилегированного статуса в обществе, – следует назвать еще два, которые выделили ее в особую сферу общественной жизни. А именно: наука стала массовым занятием и практикуется в формах коллективной деятельности. Плюс к тому – она превратилась в производительную силу общества, при этом – в особую производительную силу, которая требует больших «непроизводительных» расходов (прямой поддержки со стороны государственного бюджета). Область этического регулирования расширяется за счет включения в нее морального аспекта отношений в научном сообществе и взаимоотношений научного сообщества с обществом и государством. Разумеется, вопросы взаимоотношений между учеными, а также ученых с обществом и властью существовали и в более ранние эпохи, начиная с античности (например, конфликт Демокрита с гражданами родного города, Платона с правителем Сицилии Дионисием, Галилея с Ватиканом), но они решались в рамках индивидуальных позиций ученых и общепринятых общественных канонов, не требовали выделения и не выделялись в качестве относительно самостоятельных нормативных подсистем на манер профессиональных кодексов.

Еще одно важное изменение касается самой этики науки. Понятие этики науки (научной этики), как, впрочем, и других областей прикладной этики (экологической этики, этики бизнеса и т.п.), означает, с одной стороны, реальную практику научной деятельности в ее нравственном аспекте, а с другой – область знания об этой практике. Различие это соответствует различию между этикой как наукой и моралью (нравственностью) как ее предметом. Такая двузначность понятия этики науки в значительной степени соответствует существу дела, показывая тесную связь морального опыта науки с размышлением о нем, тем не менее это различие следует учитывать. Как, в целом, мораль предшествует этике, так и этика науки в первом значении (как моральный опыт в области науки) предшествует этике науки во втором смысле (как области знания об этом опыте). В античности

и в Новое время моральные нормы научной деятельности были вписаны в саму эту деятельность, воспринимались как очевидные в своей обязательности и воспроизводились опытом деятельности следовавших им ученых. Они не выделялись в качестве подлежащего изучению идеального объекта, функционировали, условно выражаясь, стихийно, как, например, функционировал язык до его обобщения в грамматике. Ситуация существенно меняется тогда, когда моральный аспект науки становится специальным предметом философской и научной рефлексии и этика науки оформляется как особая ветвь знания, получая одновременно и свое имя. Тем самым этика науки удваивается, существуя и как область реального морального опыта, и как его специализированное научное осмысление.

Этика науки изучает «принципы, которыми руководствуются ученые в своей познавательной деятельности и поведении внутри научного сообщества, а также в его взаимодействии с обществом в целом» [7, 48]. С момента ее становления как области знания формирование этических принципов поведения ученых в реальном опыте развития науки и общества и их теоретическое осмысление идут рука об руку.

Важной вехой стал Нюрнбергский кодекс, принятый Нюрнбергским трибуналом в 1947 году после завершения процесса над нацистскими врачами, проводившими в массовом масштабе чудовищные опыты над заключенными. В его десяти пунктах формулируются жесткие ограничения экспериментов на человеке. В частности, его первым пунктом определено, что «абсолютно необходимым условием проведения эксперимента на человеке является добровольное согласие последнего» [4], полученное при отсутствии какого-либо давления и при полной информированности о предстоящем эксперименте, при этом ответственность за качество согласия лежит на каждом, кто участвует в таком эксперименте. Еще одно требование гласит, что эксперимент ни в коем случае не может проводиться, если заранее допускается возможность смертельного исхода или инвалидизирующего воздействия на испытуемого, что, может быть, не является обязательным только для тех случаев, когда сами врачи-исследователи выступают испытуемыми своих экспериментов. Нюрнбергский кодекс не был юридическим документом, обладал силой морального призыва, подкрепленного авторитетом и опытом Нюрнбергского процесса. Однако осужденные в нем античеловечные опыты воспринимались длительное время как вырожденный случай, имеющий отношение к идеологии и практике нацизма. Со временем, когда стали известны случаи жестоких исследований на людях в США, общественности и самим ученым пришло осознание того, что проблема эта

вызвана не только злой волей, исследования на человеке требуют строжайшей моральной регламентации. Декларация Всемирной медицинской ассоциации, принятая в Хельсинки в 1964 году, исходит из убеждения, что «при исследованиях на человеке интересы науки и общества никогда не должны превалировать над соображениями, связанными с благополучием исследуемого», и, в соответствии с этим, предписывает: «Дизайн и порядок проведения каждого эксперимента, объектом которого является человек, должны быть четко сформулированы. Протокол эксперимента должен быть передан для рассмотрения, оценки и внесения поправок специально назначаемому Комитету, независимому от исследователя и спонсора, при условии, что этот независимый Комитет действует в соответствии с законами и подзаконными актами той страны, в которой выполняется исследовательский эксперимент» [8].

В настоящее время в большинстве стран любым биомедицинским экспериментам на людях предшествует этическая экспертиза, осуществляемая независимым этическим комитетом, а в ряде стран такая экспертиза является обязательной для любых, в том числе психологических, социологических и др., исследований на людях, а предметом защиты являются также, наряду со здоровьем, права человека, его достоинство, религиозные чувства и другие аспекты его душевного строя и частной жизни.

Большим стимулом и конкретной формой привлечения внимания для выработки действенных мер и культуры социально-ответственного подхода и моральной оценки научной деятельности явились широкие общественные движения, направленные на борьбу с негативными последствиями научно-технического прогресса. Важное значение для выработки широкого гуманистически ориентированного самосознания ученых и научных сообществ имели движения, направленные против оружия массового уничтожения, прежде всего против испытаний и за уничтожение ядерного оружия. Они начались по инициативе группы ведущих ученых (в основном физиков), выступивших с уже упоминавшимся Манифестом Рассела-Эйнштейна, получили продолжение в ряде гражданских объединений ученых, самым авторитетным из которых является Пагуошское движение (Пагуошские конференции по науке и глобальным проблемам), первое собрание которого состоялось в 1957 году. С тех пор оно росло, расширялось, стало лауреатом Нобелевской премии мира (за 1995 год) и к настоящему времени представлено национальными комитетами более чем в сорока странах. В его рамках работают исследовательские группы и разрабатываются проекты по сокращению запасов ядерного, химического и биологического оружия, глобальной безо-

пасности, международному научному сотрудничеству, социальной ответственности ученых и др.

В 60-70-е гг. большую актуальность приобретает экологическая проблематика, предметом моральной оценки и нормативного регулирования становится воздействие науки и технологий на природную среду, возникают общественные движения и получают распространение взгляды и практики, исходящие из идей универсальной этики, включающей в свое содержание также отношение ко всему живому. Борьба за сохранение природной среды стала полем международного сотрудничества государств, центральную роль в этом играет Организация Объединенных Наций, в рамках которой имеются также практически ориентированные исследовательские структуры (Научный комитет по действию атомной радиации, Комитет по использованию космического пространства в мирных целях и др.). Наиболее показательным примером объединения общественных, политических и научных усилий в природоохранной деятельности является борьба против потепления климата.

Инициативы этического регулирования научных исследований исходят и от самих ученых, и от государственных органов. Хорошим примером инициативы самих ученых является Асиломарский мораторий 1975 года, когда около 150 геномных инженеров, собравшиеся на конференцию в гор. Асиломаре (США) для обсуждения рисков, связанных с созданием рекомбинантных молекул ДНК, приняли документ, в котором они добровольно взяли на себя обязательства по приостановке экспериментов по геномной инженерии. Этическое саморегулирование научных исследований свидетельствует о социальной и нравственной ответственности ученых и имеет важное значение для поддержания морального авторитета науки в обществе. Показательным примером государственных ограничений исследовательской деятельности является запрет во многих странах на применение метода клонирования к воспроизводству человека.

В процессе вычленения этики науки как самостоятельной области научного знания и общественной практики она вписывалась, с одной стороны, в систему прикладного этического знания, а с другой – в науковедение. Уже упоминавшаяся лекция М.Вебера была опытом социологической критики науки как профессии, требующей рационально обоснованного контроля; ее пафос состоял в том, что на науку не надо молиться, ее следует рассматривать как одну из профессий. Первая попытка сформулировать базовые принципы регулирования науки и научной деятельности была предпринята Р.Мертонем в работе «Нормативная структура науки» (1942). Она сводилась к четырем императивам: универсализм (объективный, внелич-

ностный характер научного знания); коллективизм (свободное распространение научных знаний между учеными); бескорыстие (ориентация на постижение истины как единственный мотив деятельности в науке); организованный скептицизм (исключение условий для некритического восприятия научных открытий). В этих принципах Мертон обобщил этос науки как свободный поиск истины, который может состояться в свободном обществе, позволяющем развиваться науке на своей собственной основе. Он исходил из функции науки, направленной на адекватное (истинное) познание мира. Выделенные им принципы суть то, что требуется от ученых в рамках выполнения этой функции. Они, как и всякие общие нормы, дают некую ориентацию. Но недостаточны для конкретных решений и действий. Для этого они слишком абстрактны в двух смыслах. Во-первых, они не учитывают противоречивость реальной жизни. Люди, занимающиеся наукой, не могут полностью низвести себя до роли ученых, как если бы у них не было других мотивов и дел в жизни. Роль ученого является для них основной, но не единственной. Ее выполнение может приходиться в противоречие с другими обязанностями (семейными, гражданскими и др.). Во-вторых, эти принципы не учитывают противоречивость самой научной деятельности. Последняя также ставит ученого в ситуацию выбора, которая регулируется не пропорцией норм, а решением самого субъекта действия. Речь идет об амбивалентности ситуаций, которые задаются самими нормами научной деятельности. Мертон, корректируя свою позицию, описал ряд таких альтернатив: ученый должен делиться открытиями с коллегами, но не спешить обнародовать их, чтобы более тщательно проверить и обосновать; быть открытым для новых идей, но не гнаться за интеллектуальной модой; чтить учителей, но идти своим путем и истину ставить выше; помнить, что наука универсальна, и в то же время учитывать, что она является показателем национального престижа.

Таким образом, пример этики науки показывает, что этико-прикладное знание, обобщающее нравственный опыт в конкретной общественной сфере, само становится частью этого опыта.

Список литературы

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4. М.: Мысль, 1984.
2. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия / М.Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. *Мертон Р. К.* Исследования по социологии науки / Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.

4. Нюрнбергский кодекс. www.psychopravo.ru
5. *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура и историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000 (2003).
6. *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки: Проблемы и дискуссии. М., 2009.
7. *Фролов И.Т.* Социология и этика познания жизни и человека / Избранные труды в 3 томах. Т.3. М.: Наука, 2003.
8. Хельсинская декларация всемирной медицинской ассоциации. www.ingorts.ru/files/library/international_docs/Declaration_of_Helsinki_rus.pdf